

18+

Екатерина Зырянова

ЛИСТАЯ ЖИЗНЬ

или вечный поиск

Екатерина Зырянова

Листая жизнь

«Издательские решения»

Зырянова Е.

Листая жизнь / Е. Зырянова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509569-5

«Совсем неуловимое. Трогательное и нереальное. Еще совсем незабытое. Не излеченное памятью, неисправленное воспоминаниями. Непоправимое. Отброшенное и отпущенное. Ты стоишь. И мир стоит вместе с тобой. Он замирает и вздрагивает, пульсирует, проталкивает кровь в обмирающее сердце. Сердце шепчет, и мир шепчет». Это книга о нашей жизни, наших чувствах, о нас. Приятного прочтения.

ISBN 978-5-00-509569-5

© Зырянова Е.
© Издательские решения

Содержание

Вера в людей	6
Время и ожидания	7
Люблю тебя, школа	8
Иллюзии	9
К слову о теще...	10
Миша и Ксюша	10
Смородина	11
Черный день	12
К слову о теще...	13
Лечу на закат	14
Маленькая приятность для жены	15
Москва из окна художника	16
I	16
II	19
III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Листая жизнь

Екатерина Зырянова

Серафима Доманская *Оформление обложки*

© Екатерина Зырянова, 2020

ISBN 978-5-0050-9569-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вера в людей

Люблю я людей. Живу, дышу и с каждым вздохом, с каждой минутой все больше люблю людей. Верю в них. И вера моя крепка. Человечество будет всегда! С ним ничего не случится. Скорее одичают тараканы и уйдут в леса, а человечество будет всегда. Всегда таким прекрасным и человечным как есть!

Есть в моем доме бизнес-класса на закрытой территории детская бизнесклассовая площадка. И кто – то с завидной регулярностью аккуратно так выкладывает на ней как доказательство стабильности в этом нестабильном мире нужные в радостном и защищённом соитии вещи. Художественно выкладывают.

Несколько моих обращений к сознанию всех сознательных соседей обострили воображение и родили сознательные шутки. А с утра новый шедевр.

Я сердечно радуясь за такую насыщенную жизнь и тягу к искусству звоню начальнику охраны с просьбой найти, чтоб порадоваться за кого-то коллективно. Охрана запасается попкорном, крепче на службе нельзя. Смотрят камеры. Судя по глазам, увидели. Много. Интересное. Но не признаются.

Вердикт – каждое утро дворнику выходить на нашу бизнесклассовую детскую площадку и радоваться за людей, верить в них в одиночестве.

Я когда-то работала на одном из телеканалов, чья ниша реалити-шоу. И экс-Звезда одного из реалити-шоу выпустила свой порно-фильм с названием этого реалити-шоу. Первые кассеты -ВХС тогда- появились в Питере на рынке Юнона. Экс-звезда из Питера родом, родину первым делом облагодетельствовала своим искусством.

На телеканале истерика, все бегают. Юристы: срочно все скупить! Немедленно все отсмотреть!

Я звоню нашему директору в Питер:

– Руслан, друг, брат, беда! Скупай! Смотри! Отчитывайся! Сроку тебе – 1 день.

К вечеру Руслан звонит. Немного усталый, немного грустный, немного не трезвый.

Все, что нашли скупили. Была задействована вся телекоманда Питера. Смотрели тоже коллективно. С шампанским. Молча. Торжественно.

Единственное, что по итогу смог сказать Руслан:

– Никакого креатива, Катенька.

Но я все равно верю в людей. В их силу, в их разум, в их потенциал. Люблю их.

Время и ожидания

Никто не обязан оправдывать твои ожидания. Просто потому, что никто не рождается, только для того, чтобы оправдывать чьи-то ожидания.

Хочется легкости, радостной ветрености и банального понимания.

Хочется, хочется.

Такая странная это игра под названием жизнь. Никогда не знаешь сколько развязностей надо привязать, чтобы быть легким и ветреным, сколько привязанностей надо отвязать, чтобы не остаться одному. Сколько слепой веры надо взрастить и сколько неистребимой надежды. Сколько улетающих мгновений вырвать, выцарапать, украсть у реальности... сколько нежности и трепета... чтобы выбросить безвозвратно и неоправданно, глупо и безмятежно, радостно, веря, надеясь и ожидая.

Время. Мы обманываем его, оно нас... маленькая ложь длиной в час, день, год, жизнь?

Время разрушает, источает, развеивает по миру одно ожидание, чтобы появилось место для другого.

Время.

Наступает момент, когда ты пытаешься вспомнить, каким ты был. Каким? Смотришь на себя со стороны искренне, недоумевая.

Рождение – начало радостных проблем у юных родителей.

Ясли, детский сад, первые синяки за место под солнцем, первые подзатыльники за заблуждения о месте под солнцем.

Школа. Первые привязанности, навязанности, развязности и первые робкие ожидания.

Дальше? И дальше, конечно! Обязательно!

Все как у всех. Нормальный человек.

Страшно когда блекнут твои глаза, и ты пугаешься человека в зеркале. Еще страшнее, когда блекнут глаза человека, которого ты любишь.

И ты понимаешь, что всего лишь не оправдал чьих-то ожиданий. Как бы и не должен. Просто потому, что никто не рождается только для того, чтобы оправдывать чьи-то ожидания.

Люблю тебя, школа

Ребёнок ко мне снисходителен.

Он не стал нагружать мою материнскую психику разговорами о потерянных школьных годах, тяжелой детской судьбе и тленности бытия.

В первый учебный день он рассказывал про Федю и его летние приключения.

Федя – это плюшевая собачка – орудие манипуляции детьми, живет на рабочем столе их классного руководителя.

– Лето у Феди было прекрасным, хоть и не долгим, как у всех нас, говорит Ян.

Но я же мать, я не унимаюсь. Задаю разные раздражающие вопросы.

– Ян, где ты сидишь в этом учебном году?

Вздыхает. Тяжелый взгляд должен подчеркнуть всю бессмысленность моих расспросов, абсурдность ситуации, несовершенство всей образовательной системы.

– Около Феди. Он мне подмигивает и говорит «Ян, пойдём на перемену пораньше».

Где-то далеко в закоулках сознания зародилось стойкое чувство, что я на приеме у психиатра. Сейчас он достанет ручку, попросит нарисовать вот тут крючки и так невзначай расскажет про все мои детские комплексы. Потом ласково посмотрит грустными глазами и выпишет сложное лечение для душевнобольных, и ещё так обнадеживающе скажет, что верить надо в хорошее. В общем, хороший доктор.

Иллюзии

Есть такая иллюзия: я изменю место жительства / пребывания/убывания/нахождения и все изменится. Частично правда. Добавятся новые трудности неизвестного пространства. А все остальное вы привезёте с собой. Все свои иллюзии, установки, порядки, распорядки, привычки, радости и страхи, расставите по любимым полочкам, разложите по местам. Красота. И вот она, новая старая картина мира.

Вот и мы так же.

Путешествуем по холодной Балтике. Прокатились по всей калининградской области, окунулись в местные сказки и легенды. Составили график привычной жизни: занятия, книги, рисование, бассейн, робототехника, вальдорфский класс... отпуск с хронометром в руках.

И только ветер по ночам приносит в открытое Окно запах моря, шум леса и обостряет жажду тишины.

К слову о теще...

Миша и Ксюша

– Милая, что ты ноешь? Да, едем мы к твоим на дачу, едем к чудо – огородникам.

С утра начались сборы.

– Ну что ты возишься? Ты еще зонтик от солнца возьми! Бегом! Грядки зовут! Давно над ними никто не стоял раком – 2 дня! Лето пропадает!

В Жигули грузятся ведра, лопаты, ящики, рассада, тесть, теща, жена, собака, кострированный кот, еда, какие – то доски с балкона. Жигули проседает, трещит, пыжится, пыхтит, рычит, ворчит, чихает, трогается. Ну, с богом. Поехали.

Миша и Ксюша – чудесная молодая пара. Очень современная, не признающая старых социалистических устоев, на которых их вскармливали, взращивали, прививали, не жили, били по рукам, гладили по головке, пичкали до тошноты, до рвоты.

Миша и Ксюша – успешные, современные, самодостаточные. Учи – не вразумеют, кричи – не услышат.

Дача – это же наше все! Это поднятая целина, это унавоженные, просеянные по крупинке сквозь пальцы грядки, это радикулит, это прошедшие мимо отпуска, это умчавшаяся молодость, это никогда не случившиеся встречи и открытия, это десять ведер картошки размером с горох с десяти соток, это птички, травка, свое, как у всех, как положено.

И Миша, и Ксюша – хорошо воспитанные, взрослые, здравомыслящие, умные, понимают, что лучше убить два выходных с лопатой и тяпкой, чем полгода со скандалами и упреками в безответственности и неблагодарности. И они трясутся в Жигули под досками, корзинами, ведрами, едой, рассадой, собакой и кострированным котом. Нормальный досуг по-советски. Вот оно, счастье.

Смородина

Всякому ангельскому терпению приходит конец, даже Мишиному. Тёща вцепилась мертвой хваткой: «Ксюшечка должна есть самое лучшее, самое свежее, выращенное своими руками и летом и зимой, ни в чем себе не отказывая. Дочечка, зимой варение. Смородина вот, у туалета, крупная, сочная, спелая, сладкая какая.»

После получасового разъяренного Мишиного стога – плача – воя – крика: « нет, она варить ничего не будет, нет, я сказал!!!», Миша увял под строгим взглядом обожаемой тёщи.

Ведро смородины уехало Ксюше домой, и, заметьте, на варение.

Миша – человек слова. Он его не давал, а потому это не его дело. Нет слова – нет проблемы!

Ксюша полночи перебирала ягодки, мыла, складывала, вспоминая маму с тихой благодарностью. Спасибо, родная.

Миша сладко храпел.

Вторые полночи Ксюша перемешивала перебранные чистые ягоды с остатками в ведре. Ну и бог с ними, листьями, жучками, травой и прочим – наваристее будет.

Ксюша на глазок засыпала это сахаром, вывалила в металлический таз и поставила на огонь. Все таки великие достижение 20 века, этот таз! И полы помыть, и постирать, и варение сварить – одно удовольствие!

Уже рассвело. Доброе утро, Ксюша.

Содержимое таза закипело, забурлило, покрылось пенкой. Ну, можно сказать, доброе утро, Миша.

Не чувствуя конечностей, не разгибая спины, Ксюша разлила в найденные банки все что получилось и рухнула в кресле на изумление сонного кота. Здравсьте вам, мям.

Проспав все занятия в институте, Ксюша мысленно воздвигла себе памятник за подвиги, засунула банки в холодильник. С глаз долой – из сердца вон. Умница. Можно забыть про черную смородину до черного дня. Благо, неизвестно когда.

Черный день

Благо, неизвестно когда...

Миша уехал в командировку.

Ксюша проснулась от хлопка в холодильнике. Подкравшись к нему на цыпочках, выдох, вдох, рывок и ужас – она увидела варенье, вернее то, что должно было им стать, но так и не стало. В банках урчало, бродило и пенилось. О счастье! – подумали бы многие достойные люди и нашли бы этому намного более достойное применение. Но Миша и Ксюша – молодые, неопытные, современные. Они могут купить в магазине все, что им хочется, не могут достойно использовать достойные вещи и не могут отказать родителям. 21 век, что ты сделал с народом!

Не стесняясь в выражениях, Ксюша проследовала несколько раз от холодильника к унитазу, и последние два часа до будильника пребывала в безрассудном блаженстве. Закончилось. Будильник – невежда прервал сладкое забытие. Надо вставать, надо идти. Экзамен.

Ксюша соскользнула с кровати сразу в чулочки – юбочку – блузочку с декольте, на ходу глотая бутерброд и выдавливая зубную пасту. Шаг, и следующие несколько секунд были в оцепенении. Крик. Варенье, так тривиально вылитое в унитаз, сдаваться не хотело. Оно бродило, бурлило, пенилось, и вода в белом друге прибывала на глазах.

Экзамен, зачетки, тетрадки, усмешки преподавателя, усталость, бессонные ночи над книжками – к черту все!

Истерика, паника, метания. Миша, какого черта ты в командировке!? Справочная, телефонная книга, соседи, МЧС...

Сантехники неспешно приспешили часа через три, когда Ксюша вычерпывала лишнее ковшечком. Но мастера пришли, а дело мастера боится, тем более трех, на троих и соображается легче. Поколдовав так на троих над уже не белым и таким уже родным Ксюше унитазом, нараспев прозвучало трехголосье: «Хозяйка, принимай. С тебя 150 рублей.» Ксюша в ужасе рванулась.

– Мужики, у меня только 130, нету больше. Могу еще смородинки дать, у меня вон осталось...

Ну, женщины, ну, кто вы после этого? Они же мастера с большой буквы, живота не жалея... Да просто обидно же! Суки вы, бабы.

К слову о тёще...

Ну, здравствуй, Ксюша! Миша вернулся!

Ксюша пала на грудь, излагая страшную повесть о злом шипящем варении, еле выстоявшем в жестокой схватке с волшебством, унитаза и трех обиженных волшебниках.

Едрит твою... Заткни уши, Ксюша!

Эх, Ксюша, Ксюша... хотела быть слабой, хотела быть хрупкой и беззащитной, хотела, чтобы тебя пожалели. А дождалась? ...Твою мать! Не надо было быть дурой, Ксюша! Сама ягоды взяла!

Лечу на закат

С нежностью вспоминаю время-романтику, когда командировки были минимум 1 раз в неделю по всей нашей необъятной.

За окном ночь, далеко на горизонте кровавое зарево, пятнами растворяющееся во тьме. А ты, как идиот, едешь с чемоданом в другой часовой пояс, климатические условия и понимаешь что ночь исчезнет за крылом самолета- мистика – и ты без сна. Садился-то ты – был вечер. 4—5 часов лету, приземлился, а там рабочий день кипит. И ты чувствуешь себя каким-то животным – уставшим, потрёпанным и с красными глазами – и название ему красноглазый лось-зануда. И сразу в офис, на работу! Люблю ее! Других таких же лосей пугать своим кровавым взглядом.

И вот летим мы как то с Серегой в Новосибирск. Стоим в очереди на регистрацию. На нас накричал какой-то усталый джентельмен, он уже явно домой, сил у него меньше, чем у нас, мы-то только туда. В предвкушении всего нового и прекрасного, которое случается только в командировках. Стоим полтора часа, и прощаем каждого второго, кто уже домой. И заодно уже проникаемся атмосферой, настраиваемся на рабочий лад. Серега уже сильно проникся, начинает отвечать, желать всем тоже счастья и добра и надолго. Подходим к стойке, перед нами настоящая фея отечественного воздушного флота. В глазах блеск оттеняет нимб. Серега сразу тает под ее тёплым излучением и начинает загадывать желания:

– Нам, пожалуйста, 2 места рядом. И ещё, чтоб рядом никого не было, и ещё чтоб места для ног побольше. И чтоб я в проходе, а девушка у окна. И чтоб не очень шумно, комфортно и не скучно.

Я загибаю пальцы, а фея воздушного флота утвердительно кивает на каждый его каприз: – Конечно, обязательно, хорошо, так и будет.

Мы получаем посадочные, Сережа сияет, не каждый день феи и все, что попросил. Оно понятно, надо было чего ещё, но с перепугу только про самолёт и просил.

Садимся. Маленький старенький самолёт, ряды по 2 сиденья. Как и просил, он в проходе, я у окна. Места в самом последнем ряду, спинки не откидываются. Сережа втискивает длинные ноги во впереди стоящее кресло, что-то скрепит. Скорее всего, его колени. За спиной музыкальный и ароматный туалет скрашивает все 5 часов полёта. Мы не скучаем.

Сережа медленно мрачнел. Дело не в местах, конечно, вы же понимаете. Дело в религии. Она рухнула, вера в добрых фей, и, скорее всего, непоправимо.

А потом нас ждала уютная маленькая Гостиница в новосибирском доме офицеров. Надо было сразу насторожиться, настоящие офицеры всегда в душе романтики. Но мы, серые офисные мыши, далеки от прекрасного и даже мысли не допустили о чем-то кроме серых офисных дел.

Нас ожидал маленький отель из 4 номеров с почасовой оплатой и сауной. Мне достался скромный номер метров 8, из них половина была кровать. Серёже повезло чуть больше. У него к кровати прилагалось 2 кресла, 1 окно, вешалка для вещей.

Нас встретила новосибирская домофицеровская фея любви и радости, взяла кэш за 4 суток и в затылок пропела: Оригиналы. Вдвоём в 2 номера.

Нет, мы, конечно, отработали свои 4 суток, а в номера возвращались только спать. Действительно, оригиналы.

Сережа взял с меня клятву, что я никогда, никому об этом не расскажу. И я честно эту клятву выполняю.

Жалко только Сережину веру в добрых фей. Вдруг, однажды он встретит такую, которая эту веру воскресит.

А я наслаждаюсь закатом и воздушными ямами. Романтика.

Маленькая приятность для жены

История началась в аэропорту. Банальщина!

Мы стоим в очереди на регистрацию на свой рейс. К нам подходит длинный худой тип в мятом костюме и выдыхает на нас: «Тут я стою». Спорить с настоящим мужчиной бессмысленно, особенно, если у него есть такой неоспоримый фактор правоты – перегар. И мы не спорим. После регистрации еще 30 минут вынужденного ожидания и мы в самолете.

День был длинным. Мы летим на восход. За нами сидит наш знакомый надутый тип в мятом костюме. У него длинные ноги. И деть их в ТУ – 134 некуда, а хочется. Хочется их вытянуть, расслабиться и успокоиться. Командировка вымотала. Он вытягивает ноги под наше сидение. Счастье. И ужас! Он снимает ботинки! Выйти некуда, а хочется. И чем дальше, тем непреодолимее желание.

– Мужчина, наденьте ботинки.

– Зачем?

Да вы так же тактичны, как и привлекательны!

– Мужчина, не спрашивайте, просто наденьте ботинки.

Но его понимание счастья никак не сходится с нашим.

Он сладко потягивается, показывая всем своим помятым костюмом степень уважения к нам. А мы к нему. Мы достаем французские духи и не жалея поливаем помятому типу благоухающие носки. Когда он прилетит домой, пусть для его жены будет маленькая приятность.

Москва из окна художника

I

Как прекрасна Москва ночью! Огни, неон, крыши и звезды. Уже совсем темно, завтра осень. И я смотрю на нашу Москву через огромное окно в мастерской художника. И мне кажется, что наши души горят как эти звезды. И я думаю сейчас, что если бы я тебя не встретила, то даже выдумать никогда не смогла бы! Потому что невозможно это выдумать. Потому что не бывает так.

«Дом засыпает.

Громко тикают старые часы. Затылком ощущаю, как кот неслышно пробирается к любимому дивану... Уступлю. Сейчас он уляжется, я подойду и, зажгу маленькую настенную лампу. Кажется, ему так уютнее спать. Сегодня его ночь.

В книжках строчки стоят на месте, сколько не мусоль страницу, дальше пары абзацев не уйдёшь...

Пусть будет интернетская жвачка. Светящийся экран на столе у приоткрытого окна. Клики чуть скользких кнопок, шорох листьев, вдруг шелест шин. И тускловатая любимая лампа с простецким венецианским абажуром. Пыльное стекло поверх зелёного сукна... Как-то я всё очень намешал – XIX век и сегодняшний.

Там, где-то там, за соседним домом, за улицами и скверами, за эстакадой – ты. Так странно, словно срез дома, словно окна без штор, как в Голландии... Не буду подглядывать.

Стопка выложенных с полок книг. Трудно найти Хэмингуэя. Может, его и нет у меня, зачем – я и так всё помню. Нам твердили – циник, а ведь он последний истинный романтик. XX-ого века.

Кот сопит, закрыв лапами нос. Завтра осень. Я знаю!

Его очень сложно зовут: Чингиз-хан Васильевич Алискин.

В соседнем доме огни, жёлтые, зелёные, блёклые. И тени сквозь неопавшую черноту листья...

Но глаза, голубые, нежные, острые – поверх всего...

Стопка книг, светящийся экран на столе, стакан хереса и бессонная ночь.

Всё пустое – я помню каждую прядь твоих волос...

Прости. Я не виноват, что так получилось.»

Мы гуляем с тобой по Москве. Екатерининский парк накрывает своими кронами. И кроны смотрят на нас миллионами глаз, миллионами судеб, прошедших мимо и не задержавшихся здесь, смотрят, присматриваются, рассматривают, колышутся от ветра, гудят крыльями взлетевших птиц, склоняются к нам низко – низко и слушают наши разговоры. А я смотрю на тебя и думаю, как это возможно?

Я смеюсь и утопаю в тех словах, что ты говоришь. Ты ими играешь, ты так небрежно играешь мной! Как ты прекрасен! Как я люблю тебя! Ты даже не понимаешь. Как сильно.

«И не смейся над моими ласковостями!

Мне, до мурашек по спине, хочется баловать тебя... Должно быть старость...

Подступает...»

И мне все равно, что ты просто играешь. Я верю тебе. Я так хочу тебе верить. Я тоже играю словами и ловлю краешек твоей улыбки.

Я дурачусь, а ты все принимаешь всерьёз.

«Опять ведь не засну... Догадываешься? Я тоже.

Что же, только одно прилагательное не попало – «уютный». Совсем ни к селу, ни к городу. Оно было последним и лишним. Долго думал, да и ляпнул...

А если всерьёз, секс всегда много значил для меня.

Вернее не так.

Я очень серьёзно к нему отношусь, считая (не оригинально) одним из того немногочисленного, что отличает нас от зверей (пardon за грубость). Нам дано не просто заботиться периодически о наследстве, но и дарить высшее наслаждение своему избраннику.

Тоньше, преданнее, глубже, восторженнее ощущать любимого, чем в сексе мы вряд – ли можем. Кроме того, секс, или, если хочешь, интимные отношения, это то немногое, что не имеет моральных границ, а значит, делает влюблённых (речь о состоянии души) близкими на невербальном уровне... Мне кажется, что

сексуальные отношения между родственными душами, это Божий дар, и надо быть полным идиотом, чтобы не пользоваться им...

А ещё сексуальный акт сродни творческому озарению, во всяком случае, наслаждение приносит такое же, если не сильнее.

Ладно. Всё это болтовня. Теоретик хренов.

Пока нет, только догадываюсь.

Ну, вот теперь ты обо мне всё знаешь.»

И с каждой минутой этого знакомства растаем друг в друга. Мы постоянно говорим по телефону, мы оба слушаем и смеемся, шутим, рассказываем, взахлеб, до безумия, несмотря ни на что. Мы не смотрим назад, мы не оборачиваемся, не хотим и не замечаем тех, с кем живем и кого любили до сих пор. Или не любили? Может быть, просто жили вместе? По привычке? По необходимости с кем-то жить и о ком-то заботиться?

«Я всегда считал себя неспособным проговорить по телефону больше 5-ти минут... Это было глупо, но никак не мог остановиться. Опьянел, что-ли.

...Всё пройдёт. Мы перестанем смущаться, нести чепуху и оборачиваться, украдкой и смотреть на часы, ты научишься говорить мне ласковые слова не краснея, а я не буду считать твои минуты и научусь считаться с твоей работой. И смски не буду присылать в неурочный час.

Нам очень, нам невероятно повезло, что мы встретились. Это стоит многого, если не всего. Поверь, я знаю что говорю...

Я больше не буду твердить о том, как соскучился и хочу тебя. И так всё понятно. Чего долдонить впустую. Я попробую вести себя адекватно второму уровню твоей жизни, ибо не имею права выходить на первый...

Но и ты, пожалуйста, не комплексуй, не зажимайся и не придумывай проблемы там, где их нет...

И не стесняйся меня целовать. Мне всю жизнь так этого не хватало ('...и вечный бой, покой мне только снился...'). Простишь мне эту слабость?

Целую.»

Тебе просто этого не хватало всю жизнь, а я просто люблю тебя.

Ты несешь в мою жизнь свою религию, своих богов и своих идолов, ты учишь меня им поклоняться. И мне не совладать с этой религией. Мне не победить ее.

И я недолго сомневаюсь. Я даже не сомневаюсь совсем. Я просто смотрю на тебя и понимаю, что я тоже этого хочу. Хочу.

«Ты сейчас совещаешься. А вечером, вечером будут мерцающий компьютер, полумрак кабинета и кот у ног. И бессонница. Куда от нее? Может быть, лучше пусть я тебе сегодня приснюсь? Во сне я точно не буду язвить. Я буду любой. Какой ты захочешь. Это ведь твой сон.

Обнимаю. Я.»

«Приснись!

Приснись!

Приснись!

А я – тебе... Свернусь калачиком у ног, и... буду любим в твоём сне...»

II

Это было так давно, и так недавно, почти вчера. Почти полвека назад. Ты лежал на песке и смотрел в сумасшедшее звездное небо. Мальчишка. Тебе казалось, что твоя душа горит так же как звезды. Холод сковывал, обволакивал, затуманивал сознание, а душа пылала и обжигала измученное тело. Было страшно тихо. О чем ты думал тогда? О войне? О том, что ты почти каждый день хоронишь своих парней? Что все бессмысленно? Что ты еще никогда не любил?

Вы попали в огненное месиво. И ты почти ничего не слышал, как будто кто-то выключил звук. Ты видел, словно как в замедленной перемотке, как рядом разлетелось живое тело. Ты не мог осознать, вместить в рассудок, впихнуть в разумение, что это не сон. И это разорванное тело – твой солдат, и твой друг.

Ты видел много абсурда. Ты пытался его избежать. Ты еще совсем мальчишка, ты пытался поступать по совести. Как ее измерить, совесть, каким мерилom, если кругом смерть?

Ты видел столько абсурда. Самого разного.

Когда посылали в перерывах между боями на учение. И однажды учения были во время грозы. Солдата отправили на грузовике в горы.

– Товарищ комбат! Гроза же! Попадет в машину!

– Приказы не обсуждаются!

И на глазах окаменевших сослуживцев молния как по колдовству попала в машину. За мгновения машина обуглилась. Разряд прошел по кузову, облизал его и иссяк. Солдат выжил. Он выжил, но сошел с ума.

Или когда в жару, в пекло пустыни вам привезли из продовольствия сало. Оно протухло и стало разлагаться. А ты встал перед выбором – пухнуть от голода или умереть от отравления. Ты выбрал голод.

Но в этом огненном месиве ты знал, что вел их на смерть, но ничего не мог сделать. Ты ничего не слышал, ни себя, ни других. Ты только видел, как гаснут жизни твоих ребят.

А через несколько недель пустыня зацвела. Мертвая пустыня в алых тюльпанах.

О чем ты думал, глядя на них? Это была не твоя война и ты не понимал зачем. Зачем столько ужаса, боли, страха, смерти. Каким богам ты молился тогда?

Тебя списали. Тебя выкинули за ненужностью. И ты оказался в психушке. Тихий псих, не способный больше видеть смерть. Или жизнь. Не способный уже ничего видеть мальчишка с мертвыми светлыми глазами.

Ты исправно ходил на трудотерапию – клеил спичечные коробки. Интересно, когда люди берут их в руки там, в другой жизни, где тебя уже нет, о чем они думают? Как сварить борщ, пожарить котлет, прокормить детей? Или курят за чашкой утреннего кофе или после секса? А может быть, разводят костер? Костер... где сгорела твоя душа? На каком перевале ее засыпало песком? А ты еще никогда не любил...

III

Каждое утро я с трепетом включаю компьютер. Как люди жили раньше?

«Ещё как приснилась!!!!!! Это не я, это ты волшебница...»

А потом я проснулся в полпятого и таращился в потолок. Я смогу вырваться, наверно, в четыре – полпятого, а в 20.30 у меня эфир. Времени навалом по нашим меркам.»

«Я вообще полночи с ума сходила. Я уже почти на все согласна. Давай уйдем с работы пораньше? А?»

Это было наваждение. Оно случилось само по себе, неожиданно, нежданно, негаданно. Оно случилось. И я почти на все согласна. Я готова сейчас просто умереть, лишь бы ты так еще несколько секунд смотрел на меня. И мы первый раз едем в мастерскую настоящего художника – твоего отца. И мне первый раз в жизни страшно. Мне страшно, что я не буду хороша для тебя, мне страшно, что ты ждешь чего-то другого, мне страшно, что все будет не так как ты думал. Самое главное, мне страшно, а вдруг этого не случится. И у меня первый раз в жизни дрожат колени и я прячу в открытом окне испуганный взгляд. Я молчу, чтобы только не дрогнул мой голос. Я не могу говорить, я даже дышать боюсь, потому что ты рядом. Потому что вдруг это только облако и оно растает от моего дыхания...

«Ты утверждаешь, что мы выбираем объект обожания по запаху?»

ОК!

Знаешь, чем ТЫ пахнешь?

Мёдом в сотах.

Скошенным лугом.

Корзинкой только что сорванных огурцов.

Немножко полынью.

Сосновым бором в знойный полдень.

Осенними хризантемами.

Лавандой и оливами, Провансом.

Крымскими горами на излёте лета.

Плеском воды по борту яхты.

Хрустящим снегом.

Закатом в горах.

Срезом можжевельника.

Утренней зорькой по-над рекой.

Прохладным ручьём в чащобе.

Пряностями восточного базара.

Росой на розах у Виндзорского замка.

Воздухом после грозы.

Желанной женщиной...

Представила себе?

Я не обидел тебя?

На самом-то деле – джазом под херес. Или коньяк.

Голова кружится... И бешенная луна смотрит в окно.

Ещё месяц назад я был уверен, что эта чаша уже не моя...»

И снова тянутся выходные, долго, мучительно, невыносимо.

«Нет, ожидание не затмило сегодняшний день. И то, что было в постели, это только прелюдия...»

Ведь мы ещё совсем не знаем друг друга. И я больше не буду так смущаться и бояться нечаянно обидеть тебя, и ты не будешь так внимательносмущённо смотреть на меня, возьмёшь за кончики пальцев и проведёшь по себе. Мы друг для друга, пока terra incognita...

БОЖЕ МОЙ! Я БЕЗУМНО ХОЧУ ТЕБЯ!!!

Нужны ещё слова?»

И ты так же ждешь каждого моего слова, как и я твоего.

«Как только будешь знать, черкни словечко, чтобы я мог спланировать свою жизнь...»

«Всё-таки я валенок. Но, вроде бы любимый?»

«Знаешь, я абсолютно не ревнива. А вот сегодня ночью задумалась, что, наверно, тебя ревную ко всем женщинам, которые у тебя были. Или не ревную. А просто им завидую.»

«Ты куда-то пропала. Дела, понимаю. На улице солнышко, почти лето... За окном всё гудит – Москва стала одной огромной пробкой. Сейчас по ТВ показывают. Кошмар, а я хотел предложить, если вечером ты будешь свободна, смотаться на Воробьёвы горы... Или в Сокольники? Или совсем не туда??

Ладно, это я так, ведь бабка ещё надвое сказала, что ты будешь свободна... А я-то уже губы раскатал...»

Так нас и встретила осень. Чудесная, сумасшедшая осень.

Я уехала в Марокко, оставив тебя решать твои ребусы. Оставив тебя принимать решение.

«Третий день не пишется... Только мерещится. То глазки твои острые улыбнутся, то рука узкая на плечо ляжет, то уголки губ помянут...»

А вообще тоска. Совершенно не понимаю что делаю второй день на работе.

Мои архаровцы видимо осознали, что с начальником чёй-то не то, и перестали теревить... Сижу вот, смотрю на твою фотку и пытаюсь представить, как ты там, с океаном...

...Утром в день твоего отъезда мы ехали в деревню, я молчал и думал: «Неужели не черкнёт ни строчки?.. Ну конечно нет. Не до того сейчас... Как же я мог вчера не пожелать хотя бы счастливого пути? Так не хотелось отпустить!..»

Уже пора с трассы сворачивать, переходит на МТС, и тут – смска! «Я тебя люблю.» Боже мой, сердце так и зашлось! И только смайлик в ответ смог начирикать. Хотелось-то ответить: «А я – тебя.» Не решился...

Сижу, смотрю на твою фотку. А народ думает, что на монитор. Пусть, они же не знают, что ты золотая...

...Вчера вечером посмотрел «Куда приводят мечты»! (Купил DVD-шку) Ах какая же ты всё-таки умница! Хорошее кино. Кажется понял, отчего ты так хотела, чтобы я посмотрел его... Обсудим, хотя, похоже мы дышим в унисон.

Целую нежно, любовь моя.»

«Единственное развлечение в ожидании тебя – приведение себя в порядок.

Чтоб не стыдно было с тобой рядом.

Очень хочется встретить тебя, такую отдохнувшую, молодым и красивым. Да и физическую форму бы поправить, а то ведь может и силёнок не хватить на два соскучившихся организма. Ты-то будешь отдохнувшей, тренированной океаном и полной сил. Боюсь!!!!

Так что достал гантельки-эспандеры, кроссовки-треники и взялся за кормёжку...

Кстати, если в этой диете заменить мясо рыбой... Диетолог из меня аховый, конечно, но м.б. и тебе пригодится.

Очень-очень жду и скучаю.»

«Осталась неделя! Скоро, совсем скоро начну считать часы.

Хотя, если быть честным, нет-нет да и кольнёт больно так – не придумал ли я всё – придет отдохнувшая, остывшая, с успокоившимися трезвыми глазами... И я умру.

Знаю, что фигня, но ведь ты так далеко, за горами, морями и пустынями, а я, усталый, тебя не всегда слышу... А потом засыпаю, и ты летаешь в моём сне, любимая. Колдунья золотая.

...Оказалось, что скучать в деревне как-то не очень. Особенно в вечерней тишине с осенними острыми звёздами в бездонном небе. Слишком острое ощущение. Сердце не выдерживает. Пришлось вернуться в город.

Как выяснилось вовремя. Грядут большие перемены – организуется продюсерский центр, который отделяется от нас. Вот так. Я

завис и пока не знаю что делать, то ли остаться здесь, то ли перейти в это новообразование. Ты читаешь это письмо и решение уже принято, а я его пишу и не могу знать чем всё закончилось... Забавно.

...Нашёл тебе давно обещанного Рязанова! Гениальное кино – «Берегись автомобиля». Вот только не знаю, есть ли у тебя DVD? Ну а если даже нет, не беда! Перегоним.

...Безумная осень! Стоит летняя жара, а лес уже яркий, разноцветный.

Люблю тебя, я.»

«Интересно, что ты сейчас делаешь? Сейчас у нас 13.30, а у вас?»

В моей комнате в офисе всё прямо светится от солнца... Группы разъехались на съёмки, и я сейчас достану из сумки большой кусок варёной рыбки, побрызгаю на неё лимоном и стрескаю с аппетитом. Диета, понимаешь!..

Солнышко греет спину, а ты мне улыбаешься с фотографии.»

«Интересно, у тебя сейчас руки тёплые? Твои красивые, тонкие пальчики. Я очень думаю о тебе.

А у меня – ледышки. Теперь ты моя грелка.

Ты вспомнишь, сейчас, когда читаешь, что было тогда, когда я писал эти строчки?»

Ты разбудил во мне дремлющие инстинкты. Кровь берет свое.

Ты знаешь, я из тех мест, где до насаждения христианства поклонялись языческим богам, где плясали обрядные танцы вокруг костров и приносили в жертвы людей.

Мои пробабки были ведьмами или святыми, или просто мудрыми женщинами, познающими вечность за одну ночь и говорящие с богами на одном языке. И я смотрю на тебя безумными зелеными глазами. Ты пугаешься: откуда? У тебя же глаза цвета ясного неба!

«Ну разве так можно?! Всю ночь, стоит закрыть глаза – ты на меня смотришь тем самым взглядом, что в последний вечер у реки... А в нём вся нежность и

желание этого света! На меня никто и никогда не смотрел такими пьяными от любви и страсти глазами... Ты даже представить себе не можешь, что это значит для меня! Этот взгляд стоит всех самых нежных слов. Места себе не нахожу. Понимаю, что это нечестно, что тебе так славно сейчас в твоём далеке и ты это заслужила, и я вообще не в праве такое говорить, но... приезжай скорее, мне плохо без тебя!

Кажется, я стал страшным эгоистом.

Выговорился. Вроде полегчало, хотя глупость это, конечно.»

Я смотрю на океан. Он потрясающий. Он разный, в зависимости от настроения. Если он злится – он чернеет, а если он спокоен – он белый. Он огромный хищный зверь, но сейчас сытый и потому просто играет. Затягивает, заманивает, поглощает и выплевывает, подбрасывает, любит и затягивает. Он играет. Я смотрю на океан, а ты пишешь мне письма и отправляешь в никуда, за несколько тысяч километров. Но я не читаю их, я просто знаю. Знаю все, что ты хочешь сейчас сказать.

Я затерялась в другом мире, но я рядом.

«Прости, совсем не писалось последние дни. Звёзды как-то не так легли. Интересно, а у вас было вчера солнечное затмение? Говорят, что его лучше всего было видно в Алжире, а ты же совсем рядом.

Я по карте смотрел!

...Очень жаль, но похоже то удивительное «индейское лето», что стояло здесь с твоего отъезда, закончится как раз к четвергу. Последние выходные, вчера (да и сегодня) я ходил совсем по-летнему, а в субботу и вовсе косил лужайку в деревне в одних плавках. Вспоминал-вспоминал, но ничего подобного в последние годы осенью, в октябре, не бывало. Пожалуй, только в тот год, когда нас посылали на первом курсе на картошку. Только тогда шли короткие дожди, а когда выглядывало солнце, вставали ослепительные радуги... А сейчас, как ни банально это звучит, всё вокруг словно позолочено.

...Когда ты уезжала, я думал, что любимое дело поможет пережить разлуку. Хотел пофотографировать всю эту красоту, но ни черта не получилось, не получилось «болдинской осени». Ну и ладно! Зато я бродил по полям и перелескам, утренним безлюдным улицам в совершенно юношеской блаженной рассеянности. И осенью прямо пахло, и голова кружилась. И леталось ночами. И знакомые смотрели завистливо... Они же не знали того, что знаю я.

Я люблю тебя.

Впрочем, что это я всё в прошедшем времени? И сейчас голова кружится, и ночи, чем ближе встреча, всё бессоннее!

...Наверно это и есть счастье – ждать любимую, не спать ночами, считать минуты до встречи. Летать во сне. Пьянеть от осеннего воздуха... И умирать от жажды.

...Ты научилась говорить по-арабски? А скакать на верблюдах? В Марокко действительно роскошные пляжи и кедровые рощи? На доске каталась?

Ты теперь чёрная как уголёк? И пушок золотой?

Ну приезжай, наконец...»

«За окном сумерки... А у тебя ещё самый разгар дня. Наверно пахнет перегретым песком и океанской солью. Горланый туземный говор смешивается с шумом волн и жестяным шорохом пальм на ветру... Слово где-то далеко за дюнами грохочет по невидимым рельсам бесконечный экспресс. Или грохот волн! Органной кодой в сводах готического собора... А может базар? Пахучий и пёстрый, чумазый, крикливый с пламенными взглядами под аромат подгорелого кофе и сладкого кальянного дурмана...

...Всё это, конечно, мои фантазии. На самом деле всё совсем по-другому. Не так ли? Расскажешь.»

«Совсем ночь, темнеет уже по-зимнему рано. Неравномерными накатами – шорох шин... Из приоткрытого окна сладковатый запах лиственного тлена и дымка.

Знаешь, что прежде всего вспоминается при слове «осень»? Вот этот самый щемящий осенний дым. Хмурое утро. Прелая листва. Хруст первых морозцев...

...Ты ещё далеко-далёко, а я уже совсем явственно опускаю лицо в твои ладошки и чувствую их желанный аромат, и целую вздрогнувшие пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.